

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6141

EDN: OMPPXK



Достоевский как прототип незавершенной повести Некрасова «В тот же день часов в одиннадцать утра...»

Д. А. Июдин

*Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: daniiliudin411@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются дискуссионные вопросы изучения незавершенной повести Н. А. Некрасова о Ф. М. Достоевском. Некрасов сыграл важную роль в становлении литературной репутации Достоевского. Роман «Бедные люди» стал сенсацией 1845–1846 гг., а его автор был назван гением. В середине 1850-х гг. Некрасов предпринял ревизию этих событий. Прототипами его персонажей являются реальные лица. В повести представлены характеры трех лиц: Мерцалова (Белинского), Глажиевского (Достоевского), Чудова (Некрасова). Их образы типичны и однозначны. Мерцалов противоречив: он восторженно встретил молодого писателя, но жесток и требователен к «литературным сочувствателям», которых воспринимает как слуг. Положительным героем показан лишь Чудов. Он честен, не интриган, критичен ко всем участникам этой литературной истории, осуждает интриги и сплетни. Он — герой произведения и alter ego автора. Как прототип Достоевский изображен в тексте Некрасова в трех ракурсах. Выступая в амплу мемуариста, Некрасов представляет Достоевского как писателя и как историческое лицо. В этих эпизодах преобладает документализм, автор использует факты биографии писателя, оказавшегося в эпицентре петербургской литературной жизни середины 1840-х гг. В амплу критика Некрасов анализирует творческий опыт раннего Достоевского, узнавая в авторе Макара Девушкина и Голядкина. В амплу журналиста и редактора Некрасов представляет Достоевского персонажем сплетен, слухов, сатирического послания Белинского Достоевскому, фельетонов И. Панаева. Это утрированный и карикатурный образ юного гения, не готового к этой роли, несостоятельного как личность, а потому осмеянного и отвергнутого окружением Белинского. Некрасов сделал историю Глажиевского назидательной. Автор разоблачает своих героев. В характерах героев есть противоречия, но нет сложности. Ему интересно событие, но не его участники. Сначала Некрасов увлекся темой, но позже потерял к ней интерес.

Ключевые слова: Достоевский, Некрасов, Белинский, Панаев, гений, триумф, сплетня, скандал, прототип, характер

Для цитирования: Июдин Д. А. Достоевский как прототип незавершенной повести Некрасова «В тот же день часов в одиннадцать утра...» // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 2. С. 58–85. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6141. END: OMPPXK

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6141

EDN: OMPXXK

Dostoevsky as a Character Prototype in Nekrasov's Unfinished Short Novel “On the Same Day at Eleven o’Clock in the Morning...”

Daniil A. Iudin

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: daniiliudin411@gmail.com

Abstract. The article discusses the debatable issues in the study of the unfinished short novel by N. A. Nekrasov about F. M. Dostoevsky. Nekrasov played an important role in the evolution of Dostoevsky's literary reputation. The novel “Poor Folk” became a sensation in 1845–1846, and its author was called a genius. In the mid-1850s Nekrasov undertook a revision of these events. The prototypes of his characters are real people. The short novel presents three characters: Mertsalov (Belinsky), Glazhievsky (Dostoevsky), Chudov (Nekrasov). Their images are distinctive and unambiguous. Mertsalov is contradictory: he greets the young writer with enthusiasm, but he is cruel and demanding of “literary sympathizers”, whom he perceives as servants. Only Chudov is revealed as a positive hero. He is not an intriguer, is honest and critical of all participants in this literary story, condemns intrigues and gossip. A character of this work, he is also the author's alter ego. As a prototype, Dostoevsky is explored in Nekrasov's text from three perspectives. Acting as a memoirist, Nekrasov presents Dostoevsky as a writer and as a historical figure. A documentary approach prevails in these episodes, the author uses the facts of the biography of the writer, who found himself at the epicenter of St. Petersburg literary life in the mid-1840s. As a critic, Nekrasov analyzes the creative experience of early Dostoevsky, recognizing Makar Devushkin and Golyadkin in the author. As a journalist and editor, Nekrasov presents Dostoevsky as a character of gossip, rumors, Belinsky's satirical message to Dostoevsky, I. Panaev's feuilletons. This is an exaggerated and caricature image of a young genius who is not ready for this role, who is insolvent as a person, and therefore ridiculed and rejected by Belinsky's entourage. Nekrasov made the story of Glazhievskiy an instructive one. The author exposes his characters. There are contradictions within the characters, but no complexity. He is interested in the subject matter, but not in its participants. At first, Nekrasov was carried away by the topic, but later lost interest in it.

Keywords: Dostoevsky, Nekrasov, Belinsky, Panaev, brilliant, triumph, gossip, scandal, prototype, character

For citation: Iyudin D. A. Dostoevsky as a Character Prototype in Nekrasov's Unfinished Short Novel “On the Same Day at Eleven o’Clock in the Morning...”. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 2, pp. 58–85. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6141. EDN: OMPXXK (In Russ.)

В отношениях Н. А. Некрасова и Ф. М. Достоевского есть загадочный эпизод, который требует углубленного анализа и осмысления, — это появление неоконченной повести поэта о литературном дебюте Достоевского. Некрасов сыграл исключительно важную роль в становлении литературной репутации Достоевского, роман которого «Бедные люди», ключевое произведение в составе «Петербургского сборника», стал литературной сенсацией 1846 г.

Обстоятельства дебюта Достоевского и роль, которую сыграл в нем Некрасов, хорошо изучены в современном литературоведении. Это нашло отражение в воспоминаниях современников¹, в прижизненных критических статьях², в статьях и монографиях исследователей [Чуковский, 1914, 1917а, 1917б, 1922], [Туниманов], [Евнин], [Гин], [Фридлиндер], [Захаров, 1995], [Рак, Фридлиндер], [Захарова, 2013], [Баршт], [Викторович, Захарова: 13–60, 79–80].

Знакомство Ф. М. Достоевского с кружком В. Г. Белинского произошло в мае 1845 г., когда писатель отдал роман «Бедные люди» в альманах Некрасова «Петербургский сборник».

Роман понравился всем, кто его читал. Восторженные отзывы о «Бедных людях» высказывали Д. В. Григорович, Н. А. Некрасов, В. Г. Белинский, И. И. Панаев и др. В Петербурге быстро разнесся слух о Достоевском как о «новом Гоголе», но первые печатные отзывы о романе появились лишь в январе 1846 г.

¹ См., напр.: Анненков П. В. Литературные воспоминания. М.: Гослитиздат, 1960. 686 с.; Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Л.: Наука, 1983. Т. 25: Дневник писателя за 1877 год. Январь–август / текст подгот. и примеч. сост. А. В. Архипова и др. 470 с.; <Панаев И. И.> Заметки Нового поэта о петербургской жизни... // Современник. 1855. № 12.; Панаева А. Я. Воспоминания. М.: Худож. лит., 1972. С. 144–145; Григорович Д. В. Литературные воспоминания / [подгот. текста, вступ. ст., с. 5–20, и примеч. В. А. Путинцева]. [М.]: Гослитиздат, 1961. 215 с. и др.

² См.: <Белинский В. Г.> Мельник. (Le Meunier d'Angibault). Роман Жоржа Санда / пер. Фурманна. СПб.: В тип. Карла Крайя, 1845. В 8-ю д. л. 243 стр. // Отечественные Записки. 1846. Т. XLIV (44). № 1. Январь. Отд. VI. С. 2; <Белинский В. Г.> Петербургский Сборник, изданный Н. Некрасовым // Отечественные Записки. 1846. Т. XLIV (44). № 2. Февраль. Отд. VI. С. 45; <Белинский В. Г.> Вступление // Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов, под редакцией Н. Некрасова. СПб., 1845. Часть I. С. 13; Русская литература. Физиология Петербурга, составленная из трудов Русских литераторов, под редакцией Н. Некрасова. С политипажами. СПб.: В тип. Journal de Saint-Petersbourg, 1845. Часть первая. В 8-ю д. л. 303 с.; СПб.: Издание книгопродавца А. Иванова, 1845. Часть вторая. В 8-ю д. л., 276 с. // Северная Пчела. 1845. № 234. 17 октября. С. 934–935; Я. Я. Я. Русская журналистика. Отечественные Записки. Учено-литературный журнал, издаваемый Андреем Краевским. Октябрьская и Ноябрьская книжки 1845 г. (Окончание) // Северная Пчела. 1845. № 276. 7 декабря. С. 1102–1103; Я. Я. Я. Русская литература. Петербургский Сборник, изданный Н. Некрасовым. СПб.: В тип. Эдуарда Праца, 1846. 560 с. // Северная Пчела. 1846. № 25. 30 января. С. 99; Я. Я. Я. Русская литература. Петербургский Сборник, изданный Н. Некрасовым. (Окончание.) // Северная Пчела. 1846. № 26. 31 января. С. 103; Ф. Б. Фельетон. Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1846. № 27. 1 февраля. С. 107; Я. Я. Я. Русская литература // Северная Пчела. 1846. № 47. 28 февраля. С. 187; Швырев С. П. Критика. Петербургский Сборник, изданный Н. Некрасовым. СПб.: В тип. Э. Праца, 1846 // Москвитянин. 1846. № 2. С. 164.



Илл. 1а. Ф. М. Достоевский.
(К. А. Трутовский, 1847)

Fig. 1a. F. M. Dostoevsky.
(K. A. Trutovsky, 1847)



Илл. 1б. Ф. М. Достоевский.
(К. А. Трутовский, 1847)

Fig. 1b. F. M. Dostoevsky.
(K. A. Trutovsky, 1847)

Достоевский писал брату 16 ноября 1845 г.:

«Все меня принимают как чудо. Я не могу даже раскрыть рта, чтобы во всех углах не повторяли, что Достоев<ский> то-то сказал, Достоев<ский> то-то хочет делать. Белинский любит меня как нельзя более. <...> ...откровенно тебе скажу, что я теперь упоен собствен<ной> славой своей»³.

Всю жизнь Достоевский помнил первую встречу с Белинским как «самую восхитительную минуту». Критик сказал ему:

«Вы только непосредственным чутьем, как художник, это могли написать, но осмыслили ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы нам указали? <...> Мы, публицисты и критики, только рассуждаем, мы словами стараемся разъяснить это, а вы, художник, одною чертой, разом в образе выставляете самую суть, чтоб ощупать можно было рукой, чтоб самому нерассуждающему читателю стало вдруг все понятно! Вот тайна художественности, вот правда в искусстве! Вот служение художника истине! Вам правда открыта и возвещена как художнику, досталась как дар, цените же ваш дар и оставайтесь верным и будете великим писателем!..» (ДЗ0; т. 25: 30–31).

³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1: Письма 1832–1859. С. 115–116. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения ДЗ0 и указанием тома и страницы в круглых скобках.



Илл. 2а. Д. В. Григорович.
(Литография 1854 г.)

Fig. 2a. D. V. Grigorovich.
(Lithography of 1854)



Илл. 2б. Н. А. Некрасов.
(Литография П. Ф. Бореля, 1850-е гг.)

Fig. 2b. N. A. Nekrasov.
(Lithography by P. F. Borel, 1850s)



Илл. 2с. В. Г. Белинский.
(С литографии 1860-х гг.)

Fig. 2c. V. G. Belinsky.
(From the Lithography of the 1860s)



Илл. 2д. И. И. Панаев.
(Литография П. Ф. Бореля)

Fig. 2d. I. I. Panaev.
(Lithography by P. F. Borel)

Литературную репутацию Достоевского создавали не только печатные отзывы, но в первую очередь ее формировала молва, которая объявила начинающего писателя «новым гением» [Захарова, 2020]. Эта молва стала скандалом. Достоевский оказался в центре сплетен, интриг и литературной борьбы, которая развернулась между фельетонистами и «Северной Пчелой» (Ф. В. Булгарин, Л. В. Брант). Упоминание об этой полемике можно встретить в статьях А. А. Григорьева⁴.

В конце 1846 г. изменились отношения в кружке Белинского. Произошел разрыв Достоевского с Белинским и его соратниками. Начинающего писателя стали высмеивать друзья. Об одном из таких эпизодов вспоминала А. Я. Панаева:

«Раз Тургенев при Достоевском описывал свою встречу в провинции с одной личностью, которая вообразила себя гениальным человеком, и мастерски изобразил смешную сторону этой личности. Достоевский был бледен как полотно, весь дрожал и убежал, не дослушав рассказа Тургенева. Я заметила всем: к чему изводить так Достоевского? Но Тургенев был в самом веселом настроении, увлек и других, так что никто не придал значения быстрому уходу Достоевского. Тургенев стал сочинять юмористические стихи на Девушкина, героя “Бедных людей”, будто бы тот написал благодарственные стихи Достоевскому [за то], что он оповестил всю Россию об его существовании, и в стихах повторялось часто “маточка”»⁵.



Илл. 3. А. Я. Панаева.
(Портрет работы К. И. Горбунова)

Fig. 3. A. Ya. Panaeva.
(Portrait by K. I. Gorbunov)

⁴ См.: Библиографическая Хроника. Юмористические рассказы нашего времени, издаваемые Абракадаброю. С политипажамы. СПб.: В прив. тип. Фишера, 1846. Книжка вторая. В б. 8 д. л. Стр. 26 // Финский Вестник. 1846. № 8. С. 73–76; Литературные известия и заметки // Финский Вестник. 1846. № 8. С. 1–10; Петербургский сборник // Финский Вестник. 1846. № 9. С. 21–34.

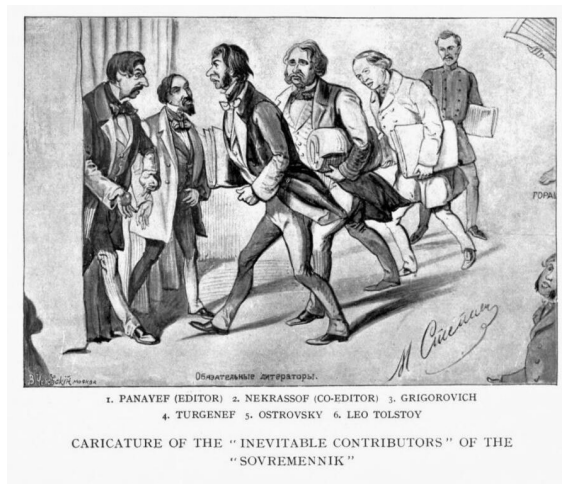
⁵ Панаева А. Я. Воспоминания. М.: Худож. лит., 1972. С. 144–145.

В 1855 г. после выхода Достоевского из каторги нападки на него возобновились, когда в двенадцатом номере «Современника» под псевдонимом «Новый поэт» И. И. Панаев опубликовал фельетон «Литературные кумиры и кумирчики».



Илл. 4. Карикатура Н. А. Степанова на Н. А. Некрасова и И. И. Панаева.
(«Иллюстрированный Альманах», 1848)

Fig. 4. Caricature by N. A. Stepanov on N. A. Nekrasov and I. I. Panaev.
("Illustrated Almanac," 1848)



Илл. 5. И. И. Панаев, Н. А. Некрасов, Д. В. Григорович, И. С. Тургенев,
А. Н. Островский, Л. Н. Толстой.

(Карикатура Н. А. Степанова «Обязательные литераторы», 1857)

Fig. 5. I. I. Panaev, N. A. Nekrasov, D. V. Grigorovich, I. S. Turgenev,
A. N. Ostrovsky, L. N. Tolstoy.

(Caricature by N. A. Stepanov "Obligatory Writers," 1857)

Упоминания имени Достоевского в фельетоне И. И. Панаева нет, но в нем описаны обстоятельства дебюта писателя. Так, о провозглашении «натуральной школой» молодых писателей талантами писал фельетонист «Современника»:

«...за неимением настоящих героев, я поклонялся кумирчикам, которые созидались людьми мне близкими, которым я верил и которых я уважал. Мы ставили наших кумирчиков на пьедестал и поклонялись им с искренним энтузиазмом»⁶.

Не называя имени, И. И. Панаев создал сатирический образ Достоевского:

«Одного, произведенного таким образом в кумиры, курениями и поклонениями перед ним, мы чуть было даже не свели с ума. Этому кумирчику посчастливилось более, нежели другому: его мы носили на руках по городским стогнам и, показывая публике, кричали: “Вот только что народившийся маленький гений, который со временем убьет своими произведениями всю нашу настоящую и прошедшую литературу. Кланяйтесь ему! кланяйтесь!...” Об нем мы протрубили везде, и на площадях и салонах»⁷.

И. И. Панаев вспомнил «анекдот» об обмороке Достоевского перед светской красавицей, о котором он рассказал в «Современнике» еще в 1847 г.⁸

По мнению И. И. Панаева, высказанному в фельетоне 1855 г., после этого происшествия «маленький гений» стал «невыносим».

В фельетоне И. И. Панаева засвидетельствована сплетня о кайме. Он писал, что кумирчик «потребовал, чтобы его статью напечатали непременно в начале или в конце книги, чтобы она бросалась в глаза всем и была не в пример другим обведена золотым бордюром, или каймою»⁹.

Авторами «Послания Белинского к Достоевскому» считают Тургенева и Некрасова. В. Н. Захаров добавил в круг соавторов И. И. Панаева [Захаров, 1985]. Эта атрибуция была поддержана и развита, а аргументация уточнена Б. Н. Тихомировым [Тихомиров].

Фельетон И. И. Панаева не был личной инициативой автора. Сатирическое отношение к Достоевскому и его литературному дебюту выражало редакционную позицию «Современника», в том числе Некрасова. Казалось, Достоевский исчез из русской литературы. Участников события, объявивших его гением, занимал вопрос, что случилось в мае 1845 г., кто и зачем сотворил «кумирчика» и был ли гений.

⁶ <Панаев И. И.> Заметки Нового поэта о петербургской жизни. Литературные кумиры и кумирчики // Современник. 1855. № 12. Отдел V. С. 238.

⁷ Там же.

⁸ <Панаев И. И., Некрасов Н. А.> Еще несколько стихотворений Нового поэта // Современник. 1847. № 4. Отдел IV. Смесь. С. 154–155.

⁹ <Панаев И. И.> Заметки Нового поэта о петербургской жизни. Литературные кумиры и кумирчики. С. 239.

Одновременно, до или после фельетона Панаева, за эту тему взялся Некрасов, задумавший повесть о Достоевском.

Повесть Некрасова не была завершена. Корней Чуковский озаглавил открытую им рукопись по названию повести «Каменное сердце», которую написал ее герой. Позже, в Полном собрании сочинений 1948–1953 гг., ее без должных оснований назвали «Как я велик!» [Коровин, Мостовская: 766]. Это было сделано под влиянием отрицательной рецензии М. К. Лемке на публикацию К. Чуковского, опубликованной под псевдонимом М. Маврин, в которой он утверждал, что в Перми в 1884 г. была издана литографированная книга Н. А. Н. «Как я велик!» [Маврин: 36]. Сейчас повесть называют по первой строке рукописи: «В тот же день часов в одиннадцать утра...». Сохранился ее черновой автограф — фрагмент без заглавия и даты. Рукопись помечена римской цифрой «II», предположительно номером главы [Коровин, Мостовская: 766].

В 1920–1940-е гг. в некрасоведении обсуждался слух о том, что в Перми существовало отдельное издание повести, которая якобы была завершена и состояла из пяти глав. М. К. Лемке утверждал, что черновой автограф, обнаруженный К. И. Чуковским, является одной из пяти глав завершеного сочинения Некрасова, вышедшего под другим названием «Н. А. Н. “Как я велик!”». Повесть из жизни литературного гения. Пермь. Литография Злотникова. 1884. Не продается» [Маврин: 36]. Она значительно превышала объем текста, подготовленного К. И. Чуковским. По свидетельству М. К. Лемке, это была книжка в 264 страниц в 16-ю долю листа. Обстоятельства ее появления были туманны и для М. К. Лемке: «Была ли эта книжка в 264 страницы отлитографирована в Перми, был ли там литограф Злотников — неизвестно, но эта повесть и есть та самая, из которой Чуковский дал одну главу, только им и найденную в бумагах поэта» [Маврин: 36]. Кроме того, как утверждал Лемке, в повести «Как я велик!» было 5 глав, текст, который опубликовал Чуковский, — это 3 глава. По утверждению Лемке, текст повести «значительно отделан автором сравнительно с черновиком, найденным теперь» [Маврин: 36].

Сегодня принята скептическая точка зрения на «пермское» издание, изложенная в статье М. Д. Эльзона «Существовала ли книга Некрасова “Как я велик!”?»: «Суммируя сведения, в основе которых лежит сообщение М. К. Лемке, можно сделать вывод, что книга Некрасова “Как я велик!” (если она действительно существовала) принадлежит к числу изданий с вымышленными выходными данными и в этом отношении не является чем-то исключительным. Сомнения же обусловлены необъективным характером источника, “приоритетом” и неясностью поведения М. К. Лемке (ознакомившись с содержанием ранее неведомой книги, ничего не добавил к известному по публикации К. И. Чуковского; зная о местонахождении экземпляра, не позаботился о его дальнейшей судьбе и т. д.)» [Эльзон: 181].

Согласно его заключению, анализ источников «позволяет ответить отрицательно на вопрос о том, существовала ли книга “Как я велик!”» [Эльзон: 183].

В настоящее время установленным фактом является то, что никаких публикаций повести Некрасова в Перми не было. М. К. Лемке и А. К. Шарц привели недостоверную информацию. За сто лет не появилось ни одного факта, который бы подтверждал существование этого издания. Подробно эта история изложена в текстологической справке последнего Полного собрания сочинений Некрасова [Коровин, Мостовская: 766–767], предпочтительной датой работы Некрасова над рукописью незавершенной повести приняты 1855–1856 гг. [Евнин: 30], [Коровин, Мостовская: 768–772].

Фрагмент черновой рукописи повести Некрасова, впервые обнаруженный К. И. Чуковским, был опубликован в журнале «Нива» в 1917 г. Действующими лицами повести Некрасова являются реальные лица, входившие в литературный круг Белинского: Ф. М. Достоевский (Глажиевский, Решетилов), В. Г. Белинский (Мерцалов, Ветлугин), Н. А. Некрасов (Чудов, Тростников) (Илл. 6), И. И. Панаев (Разбегаев), П. В. Анненков (Спутник) (Илл. 7), Д. В. Григорович (Балаклеев) (Илл. 8), И. С. Тургенев (Мальчишка) (Илл. 9), Н. Я. Тютчев и М. А. Языков (Практическая голова), Н. Х. Кетчер (Парутин) и др.¹⁰



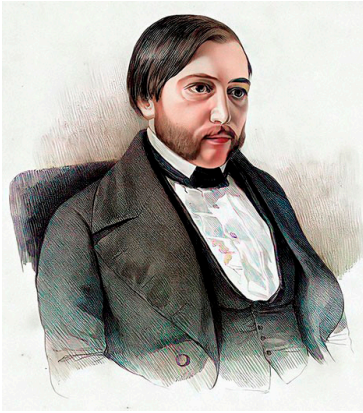
Илл. 6. Белинский и Некрасов.

(Иллюстрация Б. И. Лебедева из альбома «Белинский в жизни»)

Fig. 6. Belinsky and Nekrasov.

(Illustration by B. I. Lebedev from the Album “Belinsky in Life”)

¹⁰ Чуковский К. И. Драгоценная находка. Неизданная повесть Н. А. Некрасова о Белинском, Достоевском и Тургеневе. Предисловие // Нива. 1917. № 34–37. С. 556–560. Ср. комментарии к повести: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.) и др. Л.: Наука, 1984. Т. 8: Художественная проза. Незаконченные романы и повести, 1841–1856 гг. / [подгот. текста и коммент. И. А. Битюгова и др.]. С. 771–780. Далее ссылки на это издание приводятся



*Илл. 7. П. В. Анненков.
(Рис. К. А. Горбунова)
Fig. 7. P. V. Annenkov.
(Drawing by K. A. Gorbunov)*



*Илл. 8. Д. В. Григорович.
(Автопортрет. 1840-е гг.)
Fig. 8. D. V. Grigorovich.
(Self-Portrait. 1840s)*



*Илл. 9. И. С. Тургенев.
(Портрет работы В. Лами, 1844)
Fig. 9. I. S. Turgenev.
(Portrait by V. Lami, 1844)*

Большинство действующих лиц повести типичны и однозначны. Это участники литературного кружка Белинского и «литературные сочувствователи», в него входило «всё, что тогда в литературе было молодого, талантливого и благородного» (Н15; т. 8: 423). К «сочувствителям» относились те, которые «не имели другого круга, кроме литературного, в котором и проводили все свое время, свободное от служебных или других занятий» (Н15; т. 8: 423), литераторы терпели их благодаря покровительству Мерцалова. Присутствие «сочувствителей» в кругу литераторов оправдывалось «какими-нибудь достоинствами». Среди них было много «таких, которые умели сочувствовать», это были «добрые малые, большей частью совершенно безразличные, умевшие сделаться необходимыми светилам кружка кто по своим связям, кто по богатству, а кто просто по особенной угодливости и уменью льстить» (Н15; т. 8: 423). Некрасов ироничен в описании этих типов.

В повести представлены характеры лишь трех лиц: Глажиевского, Мерцалова, Чудова. Образы Глажиевского и Мерцалова разрабатываются по заданной динамической модели. Они представлены критически: сначала даны внешнее описание или проявление персонажа в действии или поступке, затем раскрываются их мотивация, не всегда осознанная или осознаваемая, но не укрывающаяся от наблюдательного взгляда Чудова.

Мерцалов, как правило, искренне увлекается и заблуждается. Его подробную характеристику Некрасов дает в начале повести. Он — «человек с тонким литературным вкусом, справедливо пользовавшийся репутацией отличного критика», являвшийся «главным сотрудником журнала, имевшего тогда громкую и почетную известность» (Н15; т. 8: 411). Чертами его характера в изображении Некрасова являются «беспристрастие, не преклонявшееся ни пред какими отношениями, ни пред какими выгодами, резкий раздражительный тон, ирония, если не всегда тонкая, то всегда злая и меткая» (Н15; т. 8: 411). Из-за этих черт характера у Мерцалова появились враги, о нем стали распускать слухи, в которых он предстает «каким-то бичом всего даровитого и прекрасного, каким-то литературным бандитом, не дающим пощады ни встречному ни поперечному, лишь бы потешить свою молодецкую удаль» (Н15; т. 8: 411). В то же время он добрый, благородный и деликатный, но несчастный по жизни человек. Он, как нежный отец, с жаром и негодованием накидывался только «на некоторые недостойные литературы явления», что объясняется его «горячей, страстной любовью к литературе» (Н15; т. 8: 411). Его приводит в отчаяние «бездарное, недобросовестное или почему-нибудь вопиющее явление» (Н15; т. 8: 411–412).

Появление нового таланта Мерцалов встречает с «ободрительным теплым участием» (Н15; т. 8: 412). Некрасов приводит в повести обвинения Белинского и представителей «натуральной школы» в кумовстве. Мерцалов постоянно впадает в крайности как в литературе, так и в жизни, его настроение переменчиво, оно меняется «резко и круто»:

«...и человек или книга, еще сегодня милые ему, рисковали завтра возбудить его отвращение» (Н15; т. 8: 412).

В его характере есть черта — он не боится признавать свои ошибки:

«Ни печатно, ни словесно он не стыдился сознаваться в ошибках и если не был упорно постоянен в своем мнении (что некоторыми почитается необходимым признаком великого ума), то можно сказать положительно, что мнения его истекали из глубокого убеждения» (Н15; т. 8: 412).

Когда Чудов принес Мерцалову роман Глажиевского, тот встретил его «кроткою улыбкою недоверия, с которою опытные критики выслушивают обыкновенно людей, решающихся произнести положительные приговоры в деле, подлежащем исключительно суду их, опытных критиков» (Н15; т. 8: 412). Его недоверие объясняется тем, что «частые увлечения, за которыми следовали горькие, обидные самолюбию разочарования, научили Мерцалова быть осторожнее, и если он не мог переделать своей натуры, то по крайней мере старался показать, что теперь уже спокойнее и трезвее встречает каждое новое явление, наученный годами и опытом не поддаваться увлечению» (Н15; т. 8: 412).

Взаимоотношениям героев свойственна игра: друг перед другом каждый разыгрывает свою роль.

В диалоге с Мерцаловым Чудов уговаривает критика прочитать «Каменное сердце», тот противится:

«Чуть прочтете что-нибудь, понравится, расшевелит сердчишко, уж сейчас и превосходная, пожалуй, даже — гениальная вещь! <...> Стоит, уверяю вас, стоит! — <...> Вы только начните — не оторветесь! <...> Но ведь отличная вещь. Прочтите сегодня...» (Н15; т. 8: 412–413).

В интерпретации Некрасова Мерцалов лишь прикидывался незаинтересованным. Когда Чудов ушел, он «с живостью ухватил рукопись»: «прочел заглавие, пробежал эпиграф, который составляли несколько строк, выписанных из его собственной критической статьи, и стал читать». Автор передает эмоциональное впечатление критика от чтения произведения:

«По прочтении нескольких страниц лицо его вспыхнуло, он оставил рукопись и заходил скорыми шагами по комнате. Потом он кликнул человека, приказал ему никого не принимать и стал продолжать чтение» (Н15; т. 8: 413).

Вернувшись некоторое время спустя, Чудов видит Мерцалова, лицо которого «выражало сильное волнение». Мерцалов с «досадой и нетерпением» спрашивает о Глажиевском и приходит в восторг, узнав, что это молодой писатель, которому всего 24 года. Мерцалов дает краткую оценку начинающему писателю: «Ну так он гениальный человек!» (Н15; т. 8: 414).

Ему кажется, что суждение Чудова о «Каменном сердце» недостаточно выразительно:

«Вы говорили? Что вы говорили! Можно ли так говорить о подобной вещи! Пришел, повернулся, оставил рукопись и пропал! Превосходная вещь, — мало ли что мы называем превосходною вещью. Это слово так же применяется к пустенькому водевилю, как и к дельной вещи. Это художественное гениальное произведение! — с одушевлением продолжал Мерцалов. — Я вам скажу, Чудов, — заключил он, вспыхнув так, что лицо его покраснело, и сделав резкое движение рукой, — я не возьму за “Каменное сердце” всей русской литературы!» (Н15; т. 8: 414).

Некрасов характеризует слухи, которые ходили в обществе. Упоминание о «молве», как мы писали выше, есть в воспоминаниях свидетелей дебюта Достоевского, в прижизненной критике, в письмах писателя:

«Потом пошли толки о достоинствах “Каменного сердца”, о художественном его значении, о глубоком принципе, который лежит в его основании, о необыкновенной концепции его частей и замкнутости целого (тогда подобные слова были в большом употреблении в литературном языке); далее говорил Мерцалов (и говорил чрезвычайно умно и с большим одушевлением) отдельно о каждом лице романа и решительно не находил достаточных похвал искусству автора» (Н15; т. 8: 414).

Его поражает в нем «удивительное мастерство живьем ставить лицо перед глазами читателя, очеркнув его только двумя-тремя словами, но такими, что если б иной писатель исписал десять страниц, то и тогда лица его не выступили бы так резко и рельефно! И потом какое глубокое, теплое сочувствие к нищете, к страданию!» (Н15; т. 8: 414).

Мерцалов объясняет Чудову гениальность Глажиевского:

«...написать такую вещь в двадцать пять лет может только гений, который силою постижения в одну минуту схватывает то, для чего обыкновенному человеку потребен опыт многих лет!» (Н15; т. 8: 416).

Критические отзывы Мерцалова повторяют претензии Белинского к стилю Достоевского:

«...растянутость, многословие, неуместное повторение одних и тех же слов, обличающее некоторую манерность» (Н15; т. 8: 416).

В некоторых деталях ночного чтения Некрасов точен. Оно длилось до четырех часов утра. Читали роман «Бедные люди» Д. В. Григорович и Н. А. Некрасов. Об этом свидетельствовал Д. В. Григорович: «Я стал горячо убеждать его в том, что хорошего дела никогда не надо откладывать, что следует

сейчас же отправиться к Достоевскому, несмотря на позднее время (было около четырех часов утра), сообщить ему об успехе и сегодня же условиться с ним насчет печатанья его романа. Некрасов, изрядно также возбужденный, согласился, наскоро оделся, и мы отправились»¹¹.

В повести Некрасова обсуждают роман Чудов и Мерцалов. После обсуждения Чудов ночью прибежал к Глажиевскому «и откровенно, с юношеским увлечением пересказал ему мнение Мерцалова о “Каменном сердце”» (Н15; т. 8: 416).

Достоевский в «Дневнике Писателя» вспоминал:

«Когда они кончили (семь печатных листов!), то в один голос решили идти ко мне немедленно: “Что ж такое что спит, мы разбудим его, *это* выше сна!”» (Д30; т. 25: 29).

После неожиданного визита первых читателей Достоевский не мог успокоиться:

«Точно я мог заснуть после них! Какой восторг, какой успех, а главное — чувство было дорого, помню ясно: “У иного успех, ну хвалят, встречают, поздравляют, а ведь эти прибежали со слезами, в четыре часа, разбудить, потому что это выше сна... Ах хорошо!” Вот что я думал, какой тут сон!» (Д30; т. 25: 29).

Некрасов создает психологический образ Глажиевского:

«В продолжение короткого знакомства с Глажиевским Чудов (Тростников. — Д. И.) имел много случаев наблюдать выражение радости в лице нового писателя, которая тем разительнее отражалась в нем, что в обыкновенном, спокойном состоянии оно уподоблялось сероватой и мглистой осенней туче, готовой ежеминутно разрешиться дождем пополам со снегом и слякотью» (Н15; т. 8: 416).

Образ «тучи» становится лейтмотивом в портрете Глажиевского:

«Эти глаза и вообще вся физиономия Глажиевского походила на тучу, уже разрешившуюся всем тем, о чем было сказано выше; серый осенний день был в полном разгуле; вглядываясь в нее, можно было даже слышать визгливое и жалобное завывание ветра, сопровождающее осенние непогоды...» (Н15; т. 8: 420).

Ему свойственно сомнение в себе, в своих силах:

«...лицо его носило признаки долгого колебания, борьбы с самим собою и слабости» (Н15; т. 8: 417);

¹¹ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. С. 83.

«Тут опять тень действительного сомнения и страха показалась в его лице, которое имело обыкновение меняться тысячу раз в минуту, то изображая собою, как мы уже заметили, угрюмую тучу, готовую разрешиться дождем и слякотью, то вдруг, мгновенно озаряясь ярким играющим светом, каким блестит солнце к морозу» (Н15; т. 8: 418).

Эти противоречивые чувства откровенно и сильно проявляются, когда Чудов (Тростников) заходит к Глажиевскому, чтобы отвести его к Мерцалову. Глажиевский говорит про себя, что он «человек несветский, не умеет ни войти, ни поклониться, ни говорить с незнакомыми людьми» (Н15; т. 8: 419). Используя изобретенное Достоевским слово «штушеваться», Некрасов показывает, как Глажиевский робеет перед критиком:

«В минуты сильной робости он имел привычку съезживаться, уходить в себя до такой степени, что обыкновенная застенчивость не могла подать о состоянии его ни малейшего понятия» (Н15; т. 8: 420);

«Лицо его всё вдруг осовывалось, глаза исчезали под веками, голова уходила в плечи; голос, всегда удушливый, окончательно лишался ясности и свободы, звуча так, как будто гениальный человек находился в пустой бочке, недостаточно наполненной воздухом, и притом его жесты, отрывочные слова, взгляды и беспрестанные движения губ, выражающих подозрительность и опасение, имели что-то до такой степени трагическое, что смеяться не было возможности» (Н15; т. 8: 420).

Образ, созданный Некрасовым, малосимпатичен. После смущения от комплиментарных слов Мерцалова Глажиевский переходит «в другую крайность»: он «вздумал щегольнуть развязностью, промурлыкал какой-то стих из песенки и рассказал анекдот о своем Терентии, который, по незнанию грамоты, съел какой-то пластырь, прописанный ему для наружного употребления. Анекдот не был забавен, а изложение его отличалось деланностью и двумя-тремя натянутыми сарказмами» (Н15; т. 8: 420). На протяжении всей повести Чудов иронично называет Глажиевского «гениальным человеком».

Некрасов достоверно передает общее содержание отзывов Белинского о «Бедных людях»:

«Разбирать подобное произведение — значит выказать его сущность, значение, причем легко можно обойтись и без похвалы: дело слишком ясно и громко говорит само за себя; но сущность и значение подобного художественного создания так глубоки и многозначительны, что в рецензии нельзя только намекнуть на них» (Н15; т. 8: 422).

В другом фрагменте текста Мерцалов (Ветлугин) отзываясь о романе «Каменное сердце», повторяя слова Белинского:

«В нем всё строго обдуманно, соображено и выполнено так художественно, что то, что с первого раза кажется как будто натянутым, не идущим к делу, — взгляните пристальнее, вы увидите, что недостаток не в ослаблении таланта автора, а в вашей собственной неспособности и ограниченности обнять во всей полноте и ширине художественное произведение. Такова его глубина, что только по внимательном чтении открывается оно во всей глубине и высоте широкого своего содержания... и вы видите, что тут не один роман, но пять, десять, двадцать романов; развеите любую страницу — и выйдет прекрасная вещь, которая могла бы составить славу писателю с обыкновенным талантом!» (Н15; т. 8: 433).

Некрасов как будто повторяет слова из газетных рецензий 1840-х г.:

«Новая эпоха в русской литературе: такого воспроизведения действительности еще не бывало! Ветлугин (Мерцалов. — Д. И.) говорит, что он не возьмет всей русской литературы... В самом деле, необыкновенное явление» (Н15; т. 8: 434).

В повести Некрасов воссоздает быт литературного кружка Белинского, описывает его нравы во время появления в нем Достоевского:

«Весть о новом гениальном романе, о новом литературном гении с необыкновенною быстротою разнеслась в литературном кружке, центром и светилом которого был Мерцалов. Приятели, приходившие к нему, не видели его иначе как с рукописью “Каменного сердца” в руках, из которой он тотчас же начинал читать отрывки, восхищаясь ими и отдавая должную дань удивления таланту автора» (Н15; т. 8: 423).

Некрасов делит кружок на литераторов и «литературных сочувственников», которые никогда не писали и не напишут ничего. В последней группе он выделяет и характеризует разные типы: «поэта в душе», «благородную личность», «художественную натуру», «практическую голову», «элемент светскости», «библиотеку», «газету» и «всестороннюю (восприимчивую) натуру». Литераторы унижают вторую группу, нагло пользуются их благосклонностью и услугами, сплетничают и злословят, хвастают и завидуют друг другу, лезут не в свои дела, дают советы, когда их не просят.

Еще один юмористический персонаж, который нарисован в повести Некрасова, — услужливый Спутник, сопровождающий Глажиевского (Решетилова). Это благовидный молодой человек, который относится к особому типу литературного сочувственателя, не литератора и не художника, чья роль заключалась в сопровождении литератора. Он становился тенью знаменитости, находился «неотлучно при ней» (Н15; т. 8: 436). Некрасов характеризует отношения между Спутником и Глажиевским как странные:

«...не дружеские и не приятельские, они скорее напоминали умиленные отношения скромного, расторопного и понятливого подчиненного к милостивому начальнику» (Н15; т. 8: 436).

Его услужливость заключается в том, что каждое утро он являлся у Глажиевского (Решетилова) и «передавал ему (разумеется, не без прибавлений) всё, что слышал вчера лестного о нем и нелестного о соперниках его, посвящал, кстати, гениального человека в сплетни и закулисные тайны еще мало знакомого ему литературного кружка. Прибегал к нему немедленно с каждым номером журнала и листком газеты, в которых говорилось о гениальном человеке. Вытверживал наизусть и делал общим достоянием остроты и достопримечательные изречения гениального человека, произнесенные в кругу двух-трех приятелей» (Н15; т. 8: 436).

Комические черты Спутника обнаруживаются в неискренности его эмоций, в том, как Некрасов описывает его чтение произведения знаменитости: Спутник «сменял слабого грудью гениального человека во время торжественных чтений, придавая своему голосу в патетических местах творения (читаемого даже в двадцатый раз) дрожание — признак потрясенного чувства. Если читалось сочинение новое, восклицал в известных местах: “Тс, тс!.. сейчас начнется превосходная сцена!..” И внимание слушателей удвоивалось» (Н15; т. 8: 437). Благодаря таким «подвигам» на Спутника падали «косвенные лучи славы, осенявшей чело гениального человека» (Н15; т. 8: 437). Он вызывает жалость автора, как бедняк, который трактует «о размещении и употреблении чужих капиталов», не имея собственных.

О Разбегаеве Глажиевский отзывается как о «пустом», но «добром» и нужном «малом»:

«Ведь вот он пустой малый, а вкус у него есть; такт есть... И добрый он; бесподобный малый: не завистливая душа!» (Н15; т. 8: 417).

Автор шуточно обыгрывает фамилию своего автобиографического героя Чудова:

«Что ни говорите, а Тр<остников> чуд<ный> малый!» (Н15; т. 8: 432).

Из рассказов Чудова Мерцалову о характере и внешности Глажиевского критик выбирает «более или менее удачные применения к “Каменному сердцу”, объясняя, как тогда любили выражаться, автора его произведением и наоборот: произведение — его автором» (Н15; т. 8: 415). Любой самый незначительный факт позволяет Мерцалову создавать «целую личность человека», «любо было слушать, как отрывок факта, события или не вполне дошедшей еще до нас далекой газетной новости приобретал в его устах и форму и душу, превра<ща>ясь в нечто стройное и целое, подобно зерну, брошенному в землю, которое постепенно превращается в высокое

и прекрасное дерево, с крепким стволом и широкими, красиво раскидывающимися листьями» (Н15; т. 8: 415). В глазах Некрасова эти «логические» суждения Мерцалова выглядят странными: автору «забавно было видеть, когда вторая половина факта в свою очередь наконец также достигала до него и, убивая совершенно первую, уничтожала в то же время и здание, выстроенное им с такою тщательностью и такою, по-видимому, логичностью, — здание, которое он привык уже почитать не пустым фантомом» (Н15; т. 8: 415).

Из слов Чудова Мерцалов формирует свое мнение о Глажиевском:

«— Всего более радуется, — говорил он, — что ему только двадцать пять лет. Если б он был уже человек зрелого возраста, тогда всего вернее, что из него ничего более не вышло бы. Тогда на “Каменное сердце” можно было бы смотреть как на результат целой и лучшей половины жизни умного и наблюдательного человека, много пережившего и переживавшего. Но написать такую вещь в двадцать пять лет может только гений, который силою постижения в одну минуту схватывает то, для чего обыкновенному человеку потребен опыт многих лет!» (Н15; т. 8: 416).

Глажиевский с радостью и волнением выслушивает мнение Мерцалова о своем романе, которое ему «откровенно, с юношеским увлечением» передает Чудов, который единственный раз видит на лице писателя счастье. Юный гений впадает в «нечто вроде обморока», по несколько раз «дрожащим, расслабленным, неровным голосом переспрашивал» о словах критика, повторяет их, «как будто вникал в них и взвешивал значительность каждого слова, поминутно усмехаясь своим дребезжащим нервным смехом и тщетно усиливаясь сообщить солидность и спокойствие своей физиономии» (Н15; т. 8: 416). Чудов подозревает, что будь Глажиевский наедине, то он бы «пустился бы вприсядку» от этих слов. Когда Глажиевский узнает, что какие-то суждения о «Каменном сердце» принадлежат не Мерцалову, а Чудову, герой читает на лице писателя «нечто вроде презрения» (Н15; т. 8: 417).

Глажиевский, по наблюдению Чудова, неискренен, тщеславен и честолюбив. Особенно эти черты характера юного гения раскрываются в эпизоде его первого визита к Мерцалову. Глажиевский боится идти к критику. Чудов усиливает тревогу начинающего писателя, предупреждая, что «Мерцалов рассердится, он человек желчный, раздражительный...» (Н15; т. 8: 419). Нерешительность Глажиевского так велика, что Чудов в назначенное время застает его еще не одетым. Писатель проявляет слабость, на его лице — «признаки долгого колебания» (Н15; т. 8: 417). Он обижается, когда Чудов догадывается, что причиной его сомнений является страх, что «эффект вашего произведения разрушится, когда Мерцалов увидит вас!» (Н15; т. 8: 418). Его лицо то наливается радостью, которую он старается скрыть, то на нем

появляется «тень действительного сомнения и страха», он обращается к Чудову «с притворной досадой и смирением» (Н15; т. 8: 418). Оказавшись около двери критика, Глажиевский еще раз пытается убежать. Он робеет, «стушевывается» перед критиком, который оказывает ему простой и ласковый прием, осыпает похвалой «Каменное сердце».

Чудов отмечает неискренность юного писателя, когда Мерцалов спрашивает, сколько времени Глажиевский писал роман. Чудову Глажиевский ответил, что «писал свой роман четыре года и шестнадцать раз переписывал», Мерцалову говорит, что начал его в мае и закончил в том же году (Н15; т. 8: 421). Тщеславие Глажиевского Чудов замечает тогда, когда юный писатель смотрит на автографы великих людей, которые ему показывает Мерцалов:

«Мерцалов говорил добродушно, не думая о впечатлении, которое производят его слова, но если б он следил за лицом Глажиев<ского>, он увидел бы, что не столько его слова и автографы великих людей занимали слушателя, сколько то обстоятельство, что он, великий русский критик, по поводу его, Глажиевского, заговорил о Пушкине, Байроне и Гоголе, — лицо автора “Каменного сердца” всего красноречивее выражало чувства, возбужденные в нем таким лестным сближением: по этому лицу Тростников, уже начинавший понимать Глаж<иевского>, тотчас догадался, в чем дело!» (Н15; т. 8: 421).

Некрасов дает сатирический очерк нравов литературного кружка Мерцалова. Он высмеивает обеды, которые устраивают для литераторов и «сочувствующих», прогоняя своих жен. В нем царствуют сплетни и лесть:

«...похвала, порицание, новость, мнение — всё будет пущено в ход с неимоверною скоростью и таким же искусством» (Н15; т. 8: 428).

Некрасов показывает, как в кружке рождаются слухи:

«Вскоре после посещения Решетилова к Ветлугину забежал Балаклеев. Решетилов поговорил и с ним о “Каменном сердце”. От него Решетилов побегал на Невский проспект, и через полчаса все сочувствователи знали о гениальной повести» (Н15; т. 8: 429).



Илл. 10. Журналист и Сотрудник. <А. А. Краевский и Ф. М. Достоевский>. (Карикатура. Н. А. Степанов, 1848. С рис. 1847)

Fig. 10. Journalist and Employee. <А. А. Kraevsky and F. M. Dostoevsky>. (Caricature by N. A. Stepanov, 1848. With Figure of 1847)

Неизменный спутник литературного быта — сплетни:

«Мелкие слабости, ничтожные побуждения, низкие чувства так же причастны людям, пишущим хорошие книги, как и людям, читающим их. Как и самые простые смертные, они

Сплетничали и злословили,
Хвастали и завидовали.

И сплетни их были тем непростительнее, что они прекрасно знали и здраво судили, до какой степени такое ремесло унижительно. И тем ужаснее, что под видом участия к вам, во имя справедливости, во имя новых и светлых идей они почитали своим правом вмешиваться в ваши дела; входить в анализ вашей домашней жизни; без спроса и позволения давать вам советы, сначала косвенные, а если вы недогадливы, то и прямые, поражавшие и оскорблявшие вас грубой, непрошеной откровенностью и бесцеремонным прикосновением к таким сторонам вашей жизни, даже вашего сердца, которые и самой деликатной рукой не могли быть тронуты без боли и оскорбления. И боже мой! К чему приходили слабые характеры, поддававшиеся их влиянию! Чему подвергались люди, благоразумно заключившиеся в заколдованный круг, куда не допускался посторонний нескромный глаз! Ужасна

была участь последних: их называли тупоголовыми, отсталыми, чуть не раскольниками; не зная ничего верного о них, сплетничали вдвое более, чем о тех простодушных, которые сами подавали оружие и подставляли голову; в бессильной злобе изобретали небывалые факты, предрекали им разорение, считали в их кармане каждую копейку, им писали колкие намеки и даже выговоры отсутствующие светила и, наконец, придирались к маленькому лбу, неспособному вмещать обширного ума, отрицали в них талант, не помня собственных недавних восхвалений, не справляясь с общим мнением!» (Н15; т. 8: 429–430).

Автор с юмором рассказывает, как члены кружка становились жертвами сплетен, которые возникали на пустом месте. Жертву окружали сочувствием и заботой, возникали нелепые толки:

«— Бедный, бедный Ветлугин, или Балаклеев, или Тростников! Какое несчастье: такой прекрасный, умный, образованный человек — и жена его бьет!

— Бьет, бьет! Я сам, видел... Я пришел к ним, а он вышел ко мне с красными глазами...

— Может быть, он спал?

— Нет, нет! Какое спал! У него и щека одна немного припухла...

— Да чего тут много толковать! Я пришел к ним; в столовой никого нет; так как я вхожу без доклада, то я пошел дальше — в гостиную, в детскую. Наконец вхожу в спальню — и ужасная картина представилась моим глазам: он сидит на полу, прислонившись лицом к кровати, а Наталья Карповна страшно топает ногами и кричит: “Так ты не хочешь, так ты не хочешь?” Чего не хочешь, уж я не знаю, только волосы у ней были растрепаны и лицо пылало, как у фурии.

— Ах несчастный!» (Н15; т. 8: 430–431).

Еще одной интригой сплетен являются двусмысленные письма:

«И спустя несколько дней несчастный начинал получать письма двусмысленного, щекотливого содержания, в которых уверяли, что его любят, что он пользуется общим уважением, что никто к нему не переменялся и что, если он вздумает приехать, его ждет самый блестящий прием, и всё кончалось намеками, далеко не двусмысленными и которых целью было — утешить, успокоить его!» (Н15; т. 8: 432).

Далее «сплетня разрасталась до невероятных размеров», в припадке откровенности жертва «начинает рассказывать такие вещи, о которых мог бы умолчать» и т. д. (Н15; т. 8: 432).

Модель зарождения сплетни совпадает с моделью сенсации, ее возникновения, развития и завершения скандалом. Зарождение и развитие сплетен в литературном обиходе объясняет неизбежность злословия и поражения Глажиевского в кружке Мерцалова.

М. М. Гин справедливо полагает, что объектом сатиры Некрасова является «не Глажиевский (Достоевский), а те либеральные господа, которых автор называет “литературными сочувствителями”» [Гин: 38–39]. Добавим: и Достоевский тоже.

Глажиевский в изображении Некрасова — самолюбивый неискренний человек, падкий на лесть. Его интересуется только похвала, он со страхом ждет встречи с Мерцаловым, подозревая, что критик может изменить свое мнение о романе.

Некрасов подозревает наигранность и расчетливость в поведении героя. Его тщеславие напоминает поведение «кумирчика» в фельетоне И. И. Панаева. Как и в фельетоне «Нового поэта», Глажиевский капризен. Например, когда Чудов, устав от нерешительности молодого гения, уходит один к Мерцалову, Глажиевский меняет свое намерение и отправляет за ним своего слугу:

«— И прекрасно, и прекрасно! — заметил Глажиевский. — Чего же ему еще? Прочел роман, сделал свое заключение о нем, — ну и пусть пишет, пусть хоть целую книгу, как говорил сам вчера, пишет...

— Так вы не пойдете?

— Нет... разве в другой раз когда... после... будет еще время...

— Ну, как хотите! — с досадой отвечал Чудов, которому надоело упрашивать его. Он также не имел охоты вторично пускаться в доказательства, почему Мерцалову интересно видеть его, к чему Глажиевский как бы вызывал его, прибавив:

— Да и что ему интересного в человеке, который... который...

— Прощайте! — вместо ответа резко сказал Чудов и ушел.

Едва сделал он десять шагов по тротуару, как услышал за собой крик:

— Тихон Васильич! Тихон Васильич!

Он обернулся и увидел Терентия, бежавшего за ним без шапки.

— Что?

— Барин вас просит. Он приказал сказать, что идет, только сейчас оденется.

Тростников воротился» (Н15; т. 8: 418–419).

Скромность и стеснение являются отрицательными чертами характера Глажиевского. Это отношение автора к своему герою строго судит Ф. И. Евнин: «В дошедшем до нас отрывке все, относящееся к Достоевскому, представлено (как и в “Послании”) в гротескно-ироническом освещении. Подчеркивается, например, незначительность и непривлекательность его внешности, его совершенно патологическая мнительность и нерешительность. Достоевский наделен самым мелким тщеславием, его болезненное самолюбие не знает границ, он намеренно провоцирует все новые похвалы по адресу “Бедных людей” и т. д. Ни слова не говорится о положительных

сторонах его личности. Ведь было же в нем (а не только в его «Бедных людях») нечто такое, что сразу привлекло к нему сердце нелюдимого, замкнутого Некрасова, побудило Некрасова к интимным излияниям о своем детстве, к дружеской откровенности» [Евнин: 30].

Восторженный Мерцалов подчас гневлив, желчен и раздражителен:

«— Куда вы к черту пропали? Мне нужен был до зарезу “Conversations Lexicon”: я посылал к вам три раза. Вечно вас нет, когда нужно, а как не до вас — вы тотчас тут как тут! И чего вы пришли, я просил не вас, а лексикон. Принесли?

— Нет, отдан Лыкошину.

— Отдан? Вечно так! И кто вас просил отдавать!

Бедный сочувствователь молчал, не осмеливаясь напомнить даже, что библиотека принадлежит ему и что он волен распоряжаться своими книгами» (Н15; т. 8: 426).

Когда оказывается, что его просьба не исполняется, он может по-хамски выгнать сочувствователя, если находится не в духе:

«...другие подвергались добровольному унижению, выдерживая довольно неприятные сцены, когда Мерцалов, раздражавшийся довольно скоро, находился в моменте распада; в такие минуты он не почитал неудобным объявить некстати пришедшему литературному сочувствователю: “Убирайтесь вон!”...» (Н15; т. 8: 425).

Положительным героем повести представлен Чудов. Он порядочен, честен, не интриган, критичен по отношению ко всем участникам этой литературной истории, подмечает их самолюбие, восприимчивость к лести, грубость, склонность к интригам и сплетням и т. д. В отношениях с другими этически безупречна только его позиция. Автору интересно событие, но не сам герой. Он знает и понимает каждого участника, наконец, он знает будущее этой истории. Автор не живет жизнью героев. С такой позицией, где положителен только сам автор, повесть не написать. Замысел запрограммирован на неудачу, несмотря на то, что Некрасов старался воспроизвести памятные события из недавнего литературного прошлого.

Как прототип Достоевский показан в повести Некрасова, как минимум, в трех ракурсах.

Представляя Достоевского как писателя и как историческое лицо, Некрасов выступает в качестве мемуариста, вспоминает события, которым был свидетель. В этих эпизодах повести преобладает документализм, автор использует факты биографии писателя, оказавшегося в эпицентре петербургской литературной жизни 1845 г. В их изложении поэт точен. Описание дебюта «молодого гения» близко критике В. Г. Белинского, фельетонам И. И. Панаева, воспоминаниям Ф. М. Достоевского и Д. В. Григоровича.

Некрасов трактует художественный опыт раннего Достоевского, узнавая писателя в его Макаре Девушкине и Голядкине.

Достоевский предстает в повести персонажем сплетен, слухов, фельетонов Панаева, «Послания Белинского к Достоевскому». Это сатирический, «фельетонный», утрированный и карикатурный образ юного гения, не готового к данной роли, несостоятельного как личность, а потому осмеянного окружением Белинского.

Причина, по которой Некрасов не завершил свой замысел, как представляется, кроется в том, что история несостоявшегося гения вышла под его пером слишком прямолинейной и назидательной. Поначалу тема увлекла Некрасова, но позже он потерял к ней интерес. В образе Глажиевского есть противоречивая порочность, но отсутствует сложность характера, автор разоблачает своего героя как недалекого, падкого на лесть, неискреннего и тщеславного человека, подозревает его в наигранной скромности. Такое отношение к своему герою изобличает в Некрасове ревность, зависть к литературному успеху Достоевского.

Такая установка не могла не привести Некрасова к художественной неудаче, хотя миф о личностной и творческой несостоятельности Достоевского продолжил свое бытование и в последующих поколениях его недоброжелателей.

Некрасов был бы прав в своем осуждении Достоевского, если бы гений умер в Мертвом Доме и исчез из русской литературы, но Достоевский не умер, а воскрес и снова начал свой путь в литературе, новыми успехами доказав справедливость оценок «Бедных людей» как гениального романа.

Список литературы

1. Баршт К. А. Литературный дебют Ф. М. Достоевского: творческая история романа «Бедные люди» // Достоевский Ф. М. Бедные люди / изд. подгот. К. А. Баршт. М.: Ладомир: Наука, 2015. С. 379–515.
2. Викторovich В. А., Захарова О. В. Ф. М. Достоевский в русской критике. 1845–1881. Коломна: Лига, 2021. 536 с.: цв. вкл. ISBN 978-5-98932-104-9.
3. Гин М. М. Достоевский и Некрасов: два мировосприятия / ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: Карелия, 1985. 184 с.
4. Евнин Ф. И. Достоевский и Некрасов // Русская литература. 1971. № 3. С. 24–48.
5. Захаров В. Н. По поводу одного мифа о Достоевском // Север. 1985. № 11. С. 113–120.
6. Захаров В. Н. Дебют гения // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / изд. в авт. орфографии и пунктуации под ред. В. Н. Захарова. Петрозаводск: ПетрГУ, 1995. Т. 1. С. 609–637.
7. Захарова О. В. Первое упоминание Достоевского в печати // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2013. № 7 (136). Т. 2. С. 66–68 [Электронный ресурс]. URL: <https://uchzap.petrstu.ru/files/issue/n136-2.pdf> (19.02.2022). EDN: SNMQXR

8. Захарова О. В. «Осёл в квадрате», или Кто первым назвал Достоевского гением? // Неизвестный Достоевский. 2020. № 3. С. 20–30 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1601488576.pdf (19.02.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4821
9. [Коровин В. И., Мостовская Н. Н.] Комментарий // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.) и др. Л.: Наука, 1984. Т. 8: Художественная проза. Незаконченные романы и повести, 1841–1856 гг. / [подгот. текста и коммент. И. А. Битюгова и др.]. С. 766–780.
10. Маврин М. <Лемке М. К.> Памятники русской культуры, под редакцией К. И. Чуковского. I. Неизданные произведения Н. А. Некрасова. С объяснительными статьями и примечаниями К. И. Чуковского // Книга и революция. 1920. № 1. С. 34–36.
11. Рак В. Д., Фридлендер Г. М. [Примечания] // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; редкол. В. Е. Багно (гл. ред.) и др. СПб.: Наука, 2013. Т. 1: Бедные люди. Повести и рассказы. 1844–1846 / ред. тома В. Д. Рак. С. 647–679.
12. Тихомиров Б. Н. Стихотворное «Послание Белинского к Достоевскому»: итоги и проблемы изучения // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 3. С. 62–85 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1568011144.pdf DOI: 10.15393/j9.art.2019.6342 (19.02.2022).
13. Туниманов В. А. Достоевский и Некрасов // Достоевский и его время. Л.: Наука, 1971. С. 33–66.
14. Фридлендер Г. М. [Примечания] // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Л.: Наука, 1972. Т. 1: Бедные люди; Повести и рассказы. 1846–1847 / ред. Г. М. Фридлендер; подгот. и примеч. Т. И. Орнатской, Г. М. Фридлендера. С. 464–480.
15. Чуковский К. И. Забытое и новое о Достоевском // Речь. 1914. 6 апреля.
16. Чуковский К. И. Драгоценная находка. Неизданная повесть Н. А. Некрасова о Белинском, Достоевском и Тургеневе. Предисловие // Нива. 1917. № 34–37. С. 554–560. (a)
17. Чуковский К. И. Послесловие // Нива. 1917. № 34–37. С. 569–570. (b)
18. Чуковский К. И. Достоевский и кружок Белинского // Некрасов Н. А. Каменное сердце. Пб.: Полярная звезда, 1922. С. 3–38.
19. Эльзон М. Д. Существовала ли книга Н. А. Некрасова «Как я велик!»? // Альманах библиофила. М., 1979. Вып. 7. С. 179–183.

References

1. Barsht K. A. Dostoevsky's Literary Debut: The Creative History of the Novel "The Poor Folk". In: *Dostoevskiy F. M. Bednye lyudi [Dostoevsky F. M. The Poor Folk]*. Moscow, Ladomir Publ., Nauka Publ., 2015, pp. 379–515. (In Russ.)
2. Viktorovich V. A. *F. M. Dostoevskiy v russkoy kritike. 1845–1881 [F. M. Dostoevsky in Russian Criticism. 1845–1881]*. Kolomna, Liga Publ., 2021. 536 p. (In Russ.)
3. Gin M. M. *Dostoevskiy i Nekrasov: dva mirovospriyatiya [Dostoevsky and Nekrasov: Two Worldviews]*. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1985. 184 p. (In Russ.)
4. Evnin F. I. Dostoevskiy i Nekrasov. In: *Russkaya literatura*, 1971, no. 3, pp. 24–48. (In Russ.)
5. Zakharov V. N. About One Myth of Dostoevsky. In: *Sever*, 1985, no. 11, pp. 113–120. (In Russ.)

6. Zakharov V. N. Genius Debut. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [Dostoevsky F. M. *The Complete Works: Canonical Texts*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995, vol. 1, pp. 609–637. (In Russ.)
7. Zakharova O. V. First Reference to Dostoevsky's Name in Print Media. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2013, no. 7–2 (136), pp. 66–68. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22002780> (accessed on February 19, 2022). EDN: SNMQXR (In Russ.)
8. Zakharova O. V. Donkey Squared, or Who First Called Dostoevsky a Genius? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2020, no. 3, pp. 20–30. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1601488576.pdf (accessed on February 19, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4821 (In Russ.)
9. Korovin V. I., Mostovskaya N. N. Comment. In: *Nekrasov N. A. Polnoe sobranie sochineniy: v 15 tomakh* [Nekrasov N. A. *The Complete Works: in 15 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, vol. 8, pp. 766–780. (In Russ.)
10. Mavrin M. <Lemke M. K.> Monuments of Russian Culture, Edited by K. I. Chukovsky. I. Unpublished Works of N. A. Nekrasov. With Explanatory Articles and Notes by K. I. Chukovsky. In: *Kniga i revolyutsiya* [Book and the Revolution], 1920, no. 1, pp. 34–36. (In Russ.)
11. Rak V. D., Fridlender G. M. Notes. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 35 tomakh* [Dostoevsky F. M. *The Complete Works and Letters: in 35 Vols*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013, vol. 1, pp. 647–679. (In Russ.)
12. Tikhomirov B. N. The Poems “The Missive of Belinsky to Dostoevsky”: Results and Problems of the Study. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2019, vol. 17, no. 3, pp. 62–85. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1568011144.pdf (accessed on February 19, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6342 (In Russ.)
13. Tunimanov V. A. Dostoevsky and Nekrasov. In: *Dostoevskiy i ego vremya* [Dostoevsky and His Time]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 33–66. (In Russ.)
14. Fridlender G. M. Notes. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Dostoevsky F. M. *The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, vol. 1, pp. 464–480. (In Russ.)
15. Chukovskiy K. I. Forgotten and New About Dostoevsky. In: *Rech'*, 1914, 6 April. (In Russ.)
16. Chukovskiy K. I. Precious Find. An Unpublished Short Novel (Povest') by N. A. Nekrasov About Belinsky, Dostoevsky and Turgenev. Foreword. In: *Niva*, 1917, no. 34–37, pp. 554–560. (In Russ.) (a)
17. Chukovskiy K. I. Afterword. In: *Niva*, 1917, no. 34–37, pp. 569–570. (In Russ.) (b)
18. Chukovskiy K. I. Dostoevsky and the Belinsky Circle. In: *Nekrasov N. A. Kamennoe serdtse* [Nekrasov N. A. *Stone Heart*]. Petersburg, Polyarnaya zvezda Publ., 1922, pp. 3–38. (In Russ.)
19. El'zon M. D. Was There a Book by N. A. Nekrasov “How Great I Am!”? In: *Al'manakh bibliofila* [Almanac of Bibliophile]. Moscow, 1979, issue 7, pp. 179–183. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Даниил Андреевич Иудин, студент Института филологии, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Республика Карелия, Российская Федерация, 185910); e-mail: daniiliudin411@gmail.com. *Daniil A. Iudin*, Student of the Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russian Federation); e-mail: daniiliudin411@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 12.05.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.06.2022

Принята к публикации / Accepted 20.06.2022

Дата публикации / Date of publication 08.07.2022